

7. Кто спас Мадрид?

Один из самых спорных аспектов участия анархистов в боевых действиях Гражданской войны в Испании связан с их ролью в обороне Мадрида. Многие комментаторы этой битвы были склонны обесценивать участие анархистов или даже рассматривать его как наносившее ущерб обороне города. Некоторые анархисты, со своей стороны, часто приписывали силам НКТ решающую роль в спасении города от сил генерала Франко.

Ни одна из этих версий не даёт точной картины обороны Мадрида и той роли, которую сыграли в ней анархисты. Первый бросок сил Франко, от предместий испанской столицы до её внешних границ, был остановлен нечеловеческими усилиями милиционеров, до того пребывавших в деморализации, – как анархистов, так и представителей других политических течений – и жителей города. Впоследствии оборона Мадрида была усилена благодаря войскам из других частей Испании, включая, помимо прочего, анархические контингенты и бойцов вновь созданных интербригад, а также первым поставкам оружия, в том числе истребителей, из Советского Союза.

Трое из ведущих анархических военачальников, выдвинувшихся в ходе войны, – Буэнавентура Дуррути, Рикардо Санс и Сиприано Мера – сыграли важную роль в защите Мадрида, и Дуррути отдал свою жизнь на начальном этапе борьбы за столицу. Анархисты также выполняли важную работу на «гражданской» стороне обороны Мадрида: на проходившем в спешке строительстве укреплений; в Совете обороны, созданном в начале битвы и ответственном за организацию и обеспечение тыла; и в поддержании духа жителей города, которые фактически оказались на линии фронта.

В итоге, как мы увидим, роль анархистов в обороне Мадрида была достойной и значительной. Ни они, ни интернациональные бригады, ни какие-либо ещё соединения не были «решающими» в обороне Мадрида. Эти усилия увенчались успехом благодаря тому, что в борьбе на фронте и в поддержании жизни города с миллионным населением, оказавшегося на передовой, участвовали милиционеры всех политических цветов, незначительное число профессиональных солдат и огромная масса мирных жителей, которые неделями переносили бомбардировки, дефицит и все опасности и неудобства, не оставляя надежды и решимости добиться победы

Общая характеристика битвы за Мадрид

Битва за Мадрид началась 6 ноября 1936 г. Она продолжалась, с небольшими перерывами для перегруппировки и маневрирования, до 21 марта 1937 г., когда итальянские фашистские добровольческие дивизии были окончательно разбиты у Гвадалахары и генерал

Франко оставил свои попытки взять испанскую столицу, обратившись к другим театрам действий.

Цели и ставки в этой битве были ясны. Генералы Франко и Мола понимали, что если они захватят Мадрид – а в начале битвы они были уверены, что сделают это, – то войну можно будет считать выигранной. Они понимали, что республиканские силы будут настолько дезорганизованы и деморализованы после потери столицы, что эффективное сопротивление в оставшихся частях лоялистской Испании станет почти невозможным. Кроме того, удерживая столицу страны, националисты могли потребовать официального признания своего режима практически от всех иностранных держав.

С другой стороны, защитники города также хорошо осознавали исключительную важность битвы. Если говорить о жителях города, то они защищали свои дома, свою свободу и свои жизни. Солдаты на фронте, противостоявшие вначале марокканским войскам и иностранным легионерам, а впоследствии германским и итальянским силам, нередко видели себя защитниками своей страны от иноземных захватчиков. Анархисты, бывшие среди них, несомненно, считали себя защитниками революции, которая для них была неотделима от войны. Все участники обороны понимали, что их успех станет крупной победой над силами Франко и даст возможность победоносного завершения Гражданской войны.

Битва за Мадрид распадается на четыре отдельных серии операций. Первая, начавшаяся 6 ноября и продолжавшаяся до конца месяца, представляла собой лобовую атаку главных сил Франко, пытавшихся ворваться в город.

Рамон Сендер перечисляет районы, в которых шли бои на этом этапе битвы: «Рабочее предместье, застроенное небольшими домами в один-два этажа (Карабанчель), на кривых улочках которого пели пулемёты; очень большой закрытый парк (Каса-де-Кампо), с озером в его центре, который оказался между двух противоборствующих сторон; и наконец, Университетский городок, огромная известняковая равнина, покрытая широкими асфальтированными бульварами и массивными зданиями с рядами окон: факультеты фармации, философии и литературы, медицины, клиническая больница – небольшой город, отделённый от Мадрида, устроенный по определённом плану...»¹ Силы мятежников были остановлены в Университетском городке, не достигнув сердца столицы.

В следующем месяце и в первые дни нового года силы Франко пытались атаковать город с севера и запада; они надеялись, захватив стоявший там королевский дворец Эль-Пардо, выйти в тыл к защитникам города. Эта попытка продвинула их лишь на несколько миль, и наступление было отбито, даже близко не достигнув намеченных целей.

Третий этап битвы за Мадрид, который часто называют сражением на Хараме, начался с попытки войск Франко, при поддержке германского легиона «Кондор», состоявшего из артиллерии, авиации и некоторых сухопутных сил, охватить Мадрид с юго-востока. Будучи исключительно кровопролитным, это столкновение также не позволило мятежникам достичь их целей, и город продолжал сохранять связь с остальной частью Республики, которую должно было перерезать наступление.

Наконец, вслед за Харамой разразилось сражение у Гвадалахары, основной силой в котором были итальянские фашистские дивизии, пытавшиеся атаковать Мадрид с северо-востока и окружить город, соединившись с войсками Франко в районе Харамы. Это сражение закончилось для превозносимых легионов дуче полным разгромом.

Преддверие битвы за Мадрид

Республиканские милиционеры и разрозненные регулярные войска, которые в начале ноября были призваны на защиту испанской столицы, в течение двух месяцев терпели непрерывные поражения. Как следствие, когда им пришлось противостоять войскам Франко в пригородах Мадрида, они были серьёзно деморализованы и дезорганизованы, что, казалось, оправдывало предсказание Франко: «Мы войдём в Мадрид без единого выстрела»².

Одним из главных поражений республиканцев, предшествовавших битве за Мадрид, стала потеря Толедо. Хотя город был взят, в основном силами анархических милиционеров и лояльных гражданских гвардейцев, в конце июля, крепость Алька́сар удерживалась мятежниками. Для ведения осады оставили только 100 гражданских гвардейцев и 300 милиционеров, остальные вернулись в Мадрид³.

В течение августа республиканские силы почти ничего не сделали для захвата крепости. Хотя сторонники Франко – и значительная часть зарубежной прессы – изображали осаду Алькасара как героическое сопротивление мятежников превосходящим силам неприятеля, это было скорее легендой, чем правдой. В крепости насчитывалось 2 500 защитников, включая кадетов, регулярных солдат и вооружённых фалангистов, которые были обеспечены всеми видами оружия гораздо лучше тех, кто их осаждал. Журналист НКТ Эдуардо де Гусман вскоре после окончания осады говорил, что если бы защитники Алькасара действительно обладали теми качествами, которые приписывала им пропаганда Франко, то они в любое время могли бы выйти из крепости и отвоевать город.

Экс-министр коммунист Хесус Эрнандес утверждал, спустя несколько лет после Гражданской войны, что коммунистический 5-й полк вызвался взять Алькасар «в течение 48 часов»⁴. Было ли так в действительности, остаётся под вопросом, поскольку, вплоть до подхода войск мятежников к окраинам города, овладение Алькасаром стояло далеко не на первом месте в списке задач правительства.

В конце сентября войска Франко, двигаясь с юга, достигли окрестностей Толедо. Республиканские силы, получив подкрепления из Мадрида, трижды пытались проложить подкоп и взять крепость штурмом, но потерпели неудачу. Когда прибыли мятежные отряды марокканцев и Иностранного легиона, осаждённые наконец вступили в бой, и 27 сентября республиканские силы были наголову разбиты. Немногие анархические милиционеры, укрепившиеся в зданиях города и безуспешно пытавшиеся оказать сопротивление, были уничтожены⁵.

Другое тяжёлое поражение республиканцев произошло в Сигуэнсе, к северо-востоку от Мадрида, спустя почти месяц после падения Толедо. После того, как город в конце июля был освобождён лоялистскими силами, в нём стояли около 700 милиционеров НКТ, батальон железнодорожных рабочих ВСТ и небольшой отряд милиции ПОУМ. Некоторое время здесь также базировались партизаны, совершавшие вылазки в соседние местности, занятые мятежниками. Командовал гарнизоном Фелисиано Бенито из милиции НКТ.

В середине сентября мятежники начали наступать на Сигуэнсу силами регулярной армии и Иностранного легиона, одновременно бомбардируя город с воздуха. К концу сентября лоялистский гарнизон Сигуэнсы оказался окружён, но защитникам города удалось отбить Перегрину и на время прорвать окружение. 8 октября коммунистический батальон «Пасионария» был отправлен им на подкрепление, но, как сообщают, отступил после массированного авиаудара противника. В этот день город снова был окружён. Только 17 октября, после настойчивых обращений Бенито и комитета обороны НКТ за помощью в Мадрид, к Сигуэнсе была направлена ещё одна колонна. Она вскоре была вынуждена отступить, не дойдя до города. Положение защитников стало отчаянным, и в конце концов, когда силы Франко захватили город, 300 последних милиционеров закрепились в соборе. Они продержались там ещё неделю, после чего оставшиеся в живых попытались прорваться с боем и все были убиты⁶.

Республиканские милиционеры понесли и много других, не столь драматических поражений. Те, кто пережил эти события, а также сражения за Толедо и Сигуэнсу, находились среди войск, призванных на защиту Мадрида в начале ноября. Роберт Колодни упоминает, что 6 ноября, перед самым началом битвы за Мадрид, одна из анархических частей взбунтовалась, убила своих офицеров и сбежала⁷. Однако тот же автор говорит, что во время отступления лоялистов к Мадриду колонна мятежников под командованием генерала Варелы была «измотана в боях с анархистскими колоннами Байо и Урибарри к югу от Тахо»⁸.

Смятение в первые дни битвы

Таким образом, к 6 ноября большинство лоялистских войск в Мадриде и его окрестностях составляли колонны милиции, отступавшие в течение многих недель. Подполковник Висенте Рохо вспоминал: «Говоря простым языком, здесь кишел настоящий рой из людей и боевых подразделений, сгруппированных в произвольной манере, иррегулярных... Некоторыми командовали профессионалы невысокого звания, а большинством – руководители, назначенные политическими партиями или Генеральной инспекцией милиции»⁹.

Энрике Кастро Дельгадо, организатор коммунистического 5-го полка, утверждал: «Основные силы, которые должны были защищать Мадрид, предоставила Коммунистическая партия, в лице 5-го полка»¹⁰. Аналогично, Хесус Эрнандес говорит: «Он [город] был спасён примером десятков тысяч коммунистов, готовых умереть и знавших, что своими действиями они пробудят, направят и поднимут на небывалую высоту героизм и рвение»¹¹. Однако в действительности ситуация была сложнее.

Подполковник Висенте Рохо отмечал, что крупнейшее восковое соединение в этом районе, находившееся под командованием подполковника Барселó, насчитывало около 4 000 человек. Но оно состояло из «остатков множества мелких единиц, от 40 до 600 человек. Из них семь были остатками регулярных частей... остальные были подразделениями милиции... которые, хотя некоторые из них и назывались батальонами, представляли собой просто группы по 200–300 человек, иногда без офицеров; лишь один из этих так называемых батальонов имел 600 бойцов и ещё один – 400». Он добавляет: «О других колоннах... можно было сказать то же самое: внутри них существовали более мелкие “автономные” подразделения, численностью меньше 50 человек. Трудности тактического характера, которые приходилось преодолевать комитетам колонн, не стоит недооценивать»¹².

Смятение в лагере лоялистов усиливалось тем, что правительство бежало из Мадрида в Валенсию в ночь на 6 ноября, поручив оборону столицы генералу Хосе Миахе, которого советский журналист Михаил Кольцов называл «стариком, которого мало кто знает»¹³, с подполковником Висенте Рохо в качестве начальника его штаба. Подполковнику Рохо следовало без промедления набрать членов Главного штаба обороны Мадрида (Estado Mayor de la Defensa). Он вспоминал: «Товарищи, которых я попросил войти в Главный штаб обороны, согласились решительно и без колебаний...» Все они, кроме двоих, были офицерами, находившимися на военной службе дольше самого Рохо¹⁴.

Несмотря на объяснимый беспорядок, вызванный отъездом правительства из столицы, подполковник Рохо, которого Кольцов называл «человеком, который фактически руководит всей обороной Мадрида»¹⁵, указывал, что это давало определённые преимущества: «С отъездом правительства в Левант... вместе с ним ушли пессимизм, зависть, разногласия, пораженчество некоторых эгоистичных представителей элиты и – почему бы не сказать и об этом – паника, паника, с которой не могли справиться сотни человек... Долгая и мучительная ночь поражения, казалось, ушла вместе с уехавшими, и забрезжил рассвет для тех, кто заслуживал победы»¹⁶.

Местная федерация профсоюзов НКТ в своём обращении, выпущенном во время отъезда министров в Валенсию, выразила ту же самую основную идею, хотя и в более резких выражениях: «Мадрид, свободный от министров, комиссаров и “туристов”, чувствует себя более уверенным в своей борьбе... Народ, мадридский рабочий класс, не обращает никакого внимания на всех этих туристов, которые уехали в Валенсию и Каталонию. Мадрид, свободный от министров, станет могилой фашизма. Вперёд, милиционеры! Да здравствует Мадрид без правительства! Да здравствует Социальная Революция!»¹⁷

Новый штаб должен был начинать свою работу практически на пустом месте. Рохо отмечает: «Мы приступили к своим обязанностям, не имея подробных документов и организованной курьерской службы; немного информации, какие-то планы, куча бумаг, многие из которых были неразборчивыми, и личные записи, которые каждый из нас делал на своей предыдущей должности»¹⁸.

Генерал Миаха 6 ноября собрал профсоюзных руководителей города. Согласно Роберту Колодни:

«Генерал объяснил серьёзность ситуации на фронте, ничего не скрывая, и потребовал, чтобы к следующему дню для сражения было мобилизовано 50 000 человек... На вопрос относительно оружия для мобилизованных рабочих Миаха ответил, что Совет обороны должен получить доступ ко всем складам оружия и динамита, скрытым в городе, и он дал рабочим право использовать радио для мобилизации своих сил.

[Ранним утром 7 ноября] рабочие Мадрида в кожаных куртках и остроконечных пилотках уже двигались на фронт. Это были люди, отобранные профсоюзными и партийными руководителями за свою надёжность и отправленные на участки, считавшиеся наиболее важными для защиты города. Многие шли без оружия до самых баррикад, воздвигнутых у Мансанареса. Они выполняли приказ генерала Миахи, переданный через профсоюзные организации, о том, что они должны брать оружие из рук мёртвых; когда человек погибал, нельзя было тратить времени – только мгновение, чтобы убрать тело с дороги и вставить новую обойму»¹⁹.

Работа Главного штаба в первые дни битвы была далека от обычной военной рутины; согласно Рохо:

“ «В первую неделю обороны мы сталкивались с проблемами, которые возникали ежеминутно и ежедневно... У нас не было рабочих смен, только перерывы на еду, и каждый спал – или скорее, дремал, – когда мог. Первые четыре дня работы, как мне помнится, никому не удавалось подремать...»²⁰

Несмотря на беспорядочность и импровизацию первых дней битвы, войска Франко были в основном остановлены на границах города. Успеху защитников способствовало то, что им удалось обнаружить у одного из пленных вражеский приказ по войскам, обрисовывавший в общих чертах тактику захвата Мадрида, и это позволило генералу Миахе и его коллегам узнать, где подготавливался главный удар.

Однако, как пишет подполковник Рохо:

“ «Хотя знание плана операций противника и позиций, на которые он собирался выйти, действительно внесло решающий вклад в отражение нападения... настоящей причиной успеха защитников было изменение, которое произошло за первые 24 часа в морали сражавшихся, а также их ближайших соратников в тылу. Это стало отчётливо ясно в боях 7-го числа,

в которых наши солдаты показали несломимую волю и высочайший дух самопожертвования... Недостаток оружия, организации, техники, укреплений был преодолен благодаря подлинному превосходству в духовной силе, моральному подъёму, доблести низовых руководителей и массы граждан...»²¹

Некоторые историки Мадридской битвы, особенно её начальных этапов, приписывали главную заслугу в налаживании обороны города русскому советнику генералу Гореву (по официальной версии – военному атташе Советского Союза). К примеру, Бернетт Боллотен утверждал, что Горев был «настоящим организатором обороны Мадрида»²². Луис Фишер использовал почти те же слова, назвав Горева «спасителем Мадрида»²³.

Однако подполковник Висенте Рохо отрицает это: «Как начальник ГШ, я решительно заявляю, что это неверно, поскольку, в строгом смысле слова... Горев успешно сотрудничал с командующим обороной, который не прекращал осуществлять свои полномочия ни на один момент...»²⁴

Роль интернациональных бригад

Первые значительные подкрепления стали прибывать в Мадрид лишь 10 ноября, через четыре дня после начала битвы. Среди них была и первая из интернациональных бригад.

Многие авторы, писавшие о битве за Мадрид, разделяли распространённое мнение, что интербригады сыграли в ней ключевую роль со стороны республиканцев. Так, Пьетро Ненни, бывший капитан Гарибальдийского батальона, писал: «Что касается вклада интернациональных бригад, то можно сказать без преувеличения, в ноябре 1936 г. он оказался решающим. В Каса-де-Кампо, на берегах Мансанареса, в Университетском городке интернациональные бригады и Гарибальдийский батальон итальянских антифашистов с замечательным мужеством выдержали удары войск Франко...»²⁵

Аналогичным образом, Луис Фишер, в то время бывший попутчиком коммунистов (хотя позднее он стал ярым антисталинистом), писал в 1937 г.: «Когда Мадрид уже готов был пасть к ногам Франко, первое подразделение интернациональной бригады, 1 900 человек, вступило в бой. Впервые мавры были остановлены. Впервые милиционеры увидели спины солдат Франко»²⁶. Советский адмирал Н. Кузнецов точно так же утверждал, что Мадрид был спасён «благодаря помощи Советского Союза и добровольцев интернациональных бригад»²⁷.

Хью Томас приводит несколько иные аргументы. Прежде всего, он ошибочно утверждает, что первая интернациональная бригада прибыла в Мадрид 8 ноября и «прошла ровным строем по улице Гран-Виа, направляясь на фронт»²⁸. Он признаёт, что две интербригады, участвовавшие в сражениях в черте Мадрида, были силой, «слишком незначительной для того, чтобы одним своим присутствием обратить ход событий. Кроме того, милиция и рабочие уже остановили Варелу 7 ноября, до прибытия бригад. Победа принадлежала

населению Мадрида». Но, добавляет он, «пример интернациональных бригад побуждал милиционеров продолжать сопротивление, заставляя мадридцев чувствовать, что они не одиноки...»²⁹

Однако, читая дальше главы, излагающие ход битвы за Мадрид, мы убеждаемся, что Томас склонен придерживаться общепринятого мнения, о котором мы говорили. Он почти исключительно сосредотачивается на той роли, которая принадлежала на всех четырёх стадиях битвы интернациональным бригадам. Очевидно, автор полагает, что иностранные войска, участвовавшие в боях на стороне республиканцев, были сердцем сопротивления.

Даже Джордж Оруэлл, который, конечно, не был другом сталинистов, разделял это мнение: «Советское оружие и отважная оборона Мадрида частями, которыми командовали главным образом коммунисты, превратили их в героев в глазах всей Испании»³⁰.

Подполковник Висенте Рохо, в течение всей битвы возглавлявший штаб сил, оборонявших Мадрид, совершенно иначе описывает роль интернациональных бригад в противостоянии. Он сделал относительно них пять замечаний. Во-первых, «в начале сражения на нашем фронте у Мадрида не было ни одной интернациональной бригады или даже разрозненных батальонов». Во-вторых, «первая из этих частей, поступивших в распоряжение командующего обороной, отправилась на передовую 10-го, и именно на том участке, где она расположилась, несмотря на её энергичные действия, 13-го числа вражеская 1-я колонна достигла Мансанареса и через два дня прорвала фронт, проникнув в Университетский городок»³¹. (Это опровергает утверждение Гэбриела Джексона и советского журналиста Михаила Кольцова о том, что интернационалисты участвовали в битве с 8 ноября³².)

В-третьих, говорит подполковник Рохо, «во время битвы на Мадридском фронте как таковом обычно находилось не более одной, в виде исключения двух бригад; ещё две были задействованы только на Хараме и в Гвадалахаре. В Мадриде XI и XII бригады размещались на участках правого фланга, от Университетского городка до Боадильи, где они были сгруппированы с другими, испанскими бригадами...» В-четвёртых, отмечает Рохо, «ни в одном случае и ни при каких обстоятельствах они не действовали самостоятельно, независимо от испанских офицеров, осуществлявших высшее руководство операциями. Также они сами по себе не образовывали крупных соединений, таких как дивизии или армейские корпуса, хотя в некоторых случаях и для определённых операций две бригады могли быть объединены под общим командованием».

Наконец, как говорит подполковник Рохо, «их офицеры, как и офицеры любых других частей, подвергались наказанию, если заслуживали его своим неподобающим командованием. Это произошло с генералом Клебером, командовавшим интернациональной бригадой на фронте в Университетском городке, из-за того, что он придавал своей деятельности больше политическое, чем военное направление». Генерал Клебер был отстранён от командования на шесть месяцев и вновь получил его лишь тогда, когда его преемник на посту командующего XI бригадой был убит в сражении³³.

Подполковник Рохо обобщает преимущества интернациональных бригад следующим образом: «Их организация была аналогична организации испанских смешанных бригад, от

которых их отличали: большее количество оружия, материалов и транспорта, а также полевой артиллерии (в конечном итоге); лучшие офицеры (некоторые бывшие участники Первой мировой войны); лучшая подготовка многих солдат и их политические убеждения, которые в значительной степени составляли основу их боевой морали»³⁴.

Журналист НКТ Эдуардо де Гусман в своём описании обороны Мадрида также отметил положительные качества интербригад, у которых милиционеры НКТ многому научились: «Они знали, как использовать особенности ландшафта, обращаться с бомбами, размещать пулемёты, расставлять своих людей. У них, кроме того, была великолепная экипировка, какой тогда не имела ни одна из наших колонн... Наши люди видели, что они сражаются умело и с безграничной смелостью. Мы видели, как они используют боеприпасы, как боец может оборудовать стрелковый окоп, как дать отпор танкам и обратить их в бегство с помощью ручных гранат. Мы видели это и, благодаря поразительной способности испанского народа к адаптации, копировали их, не теряя времени»³⁵.

Анархисты в обороне Мадрида

Милиция, организованная НКТ-ФАИ, сыграла значительную роль в обороне Мадрида. Они помогли отразить первую лобовую атаку сил Франко на город в ноябре 1936 г. и активно участвовали в последующих фазах битвы.

В то время и впоследствии роль солдат-анархистов недооценивалась. И те, кто писал о битве, когда она происходила, и историки, обращавшиеся к ней в следующие десятилетия, были склонны принижать роль анархистов и преувеличивать роль войск, возглавляемых коммунистами, как испанских, наподобие знаменитого 5-го полка, так и интернациональных.

В обороне Мадрида участвовали два основных соединения анархистов. Одно из них прибыло из Каталонии и вначале находилось под командованием Буэнавентуры Дуррути, а после его смерти – Рикардо Санса; после окончания битвы за Мадрид оно вернулось на Арагонский фронт. Другое состояло из милиционеров, в основном бывших уроженцами самого Мадрида и его окрестностей, и в течение всего времени находилось под командованием Сиприано Меры; оно до конца войны оставалось одним из основных войсковых формирований в районе Мадрида. Многие из милиционеров этого соединения находились в Мадриде, когда битва уже началась, Мера же прибыл 10 ноября с отрядом, который он возглавлял при освобождении провинции Куэнка, и принял командование над войсками анархистов в Мадриде.

Роль Комитета обороны НКТ

В битве за Мадрид (и остальную часть войны) важную роль в поддержании анархических частей на Мадридском фронте играл Комитет обороны Центра НКТ (Comité de Defensa del Centro de la CNT). Он руководил силами анархистов во время подавления июльского мятежа в Мадриде. Сразу после того, как поражение мятежников в столице стало очевидным,

комитет взял на себя защиту близлежащих городов и посёлков, куда были направлены спешно набранные колонны милиции, чтобы усилить их оборону или, если они уже были захвачены, отбить их у мятежников.

21 июля Комитет обороны собрался на заседание, посвящённое «прорыву вражеского кольца вокруг Мадрида». Эдуардо Валь, возглавлявший комитет, доложил о захвате мятежниками практически всей Старой Кастилии. «Напротив, Левант и Каталония полностью находятся в руках рабочих. Наши коммуникации обрываются у Алькала, Гвадалахары и Толедо. Как только эти три города будут взяты, Мадрид восстановит связь с Югом и Востоком... Взяв их, мы можем быть уверенными, что провинции Куэнка, Гвадалахара, Толедо и Сьюдад-Реаль, Альбасете, будучи изолированными, падут под собственной тяжестью. Помимо этого, взятием Гвадалахары мы откроем себе дорогу на Сарагосу...»³⁶

Комитет обороны спешно организовал колонны милиции и направил их к Гвадалахаре, Алькала-де-Энаресу и Толедо. Несколько дней им сопутствовала удача – за исключением того факта, что крепость Алькасар в Толедо осталась в руках мятежников³⁷.

Победы в Мадриде, Алькала, Гвадалахаре и Толедо были лишь началом работы Комитета обороны НКТ по организации вооружённой борьбы и руководству ею в Мадриде и прилежащих районах. В начале войны Комитет обороны состоял Эдуардо Валь в качестве секретаря, Мариано Валье и Барсии. Однако душой комитета был Валь. Рикардо Санс говорил: «Всё было сосредоточено в нём. Ничто, ни одна мельчайшая деталь не ускользала от его развитого воображения, и каждая проблема, поступившая на его рассмотрение, находила немедленное решение. Его способности были неисчерпаемыми».

Санс оценивал общую роль Комитета обороны в следующих, несколько преувеличенных словах: «Защитники Мадрида, те, кто был в траншеях, когда им нужно было о чём-то посоветоваться, не шли в официальные кабинеты. Они знали, что там ничего не решается. В Мадриде всё было абсолютно мертво. Было лишь одно место в столице, где ощущали войну и жили ею... Автомобили стремительно сновали туда-сюда. Грузовики появлялись и вскоре вновь уезжали»³⁸.

Большинство анархистов, писавших о битве за Мадрид, подчёркивали важность Комитета обороны НКТ, консультировавшего лидеров анархической милиции и доносившего их проблемы и мнения до высших офицеров в Главном штабе мадридского командования. Он также осуществлял общее руководство и, насколько позволяла идеология анархизма, командовал отрядами НКТ. Эдуардо де Гусман отмечал, что Эдуардо Валь «является хладнокровным бойцом, который думает и отдаёт приказы в нескольких словах. Товарищи в точности следуют его указаниям...»³⁹

К началу сентября Комитет обороны составил Устав милиции НКТ. Он был кратким, включая всего шесть статей:

Каждый милиционер обязан выполнять распоряжения батальонного комитета, а также делегатов центурий и групп.

Он не может действовать в военных делах по своему усмотрению и будет принимать без обсуждения те посты и позиции, на которые он назначен, как на фронте, так и в тылу.

Каждый милиционер, не выполняющий распоряжений батальонного комитета, делегата центурии или группы, будет подвергнут санкциям группы, если нарушение является лёгким, и батальонного комитета, если нарушение является тяжёлым.

Тяжёлыми будут считаться: дезертирство, оставление поста, саботаж, мародёрство и совокупность нарушений.

Каждый милиционер должен знать: он вступил в милицию добровольно, но раз он является её частью, то, как солдат Революции, он обязан ПОДЧИНЯТЬСЯ И ИСПОЛНЯТЬ...

Любой, кто действует помимо милиции, будет считаться мятежником и понесёт наказание, которое определит соответствующий батальонный комитет.

Устав заканчивался следующим призывом:

“ «Милиционеры! Эти правила действия и общения – не дисциплина казарм. Это – усилия каждого в обществе едином и дисциплинированном. Без этого сплочения сил никакая победа не возможна. Милиционеры, подчиняйтесь, исполняйте, и вы победите!»⁴⁰

Комитет обороны также отвечал за пополнение подразделений милиции НКТ. Согласно Эдуардо де Гусману, он действовал через профсоюзы и атенеи НКТ в Мадриде и окрестностях, рассылая им уведомления о том, сколько добровольцев он может обеспечить оружием в данный момент. Комитет также осуществлял определённый отбор новобранцев. Согласно де Гусману, «на фронт не отправляли людей, физическое состояние которых не позволяло этого. Не отправляли и тех, в антифашизме которых не было полной уверенности»⁴¹. Комитет вёл картотеку на всех, кто был им рекрутирован⁴². Наконец, Комитет обороны назначал командующих первых колонн милиции, организованных в Центральном регионе. Первым назначенным был подполковник дель Росаль, человек «абсолютно надёжный»⁴³.

Комитет также отвечал за организацию тыловых служб вооружённых сил. Сюда входили медицинское обслуживание – для нужд которого было реквизировано несколько зданий в

Мадриде – и служба снабжения, обеспечивавшая подразделения милиции продовольствием, одеждой и другим необходимым. В начале войны, если бы Комитет обороны НКТ не организовал эти службы для своих войск, маловероятно, что кто-либо ещё сделал бы это, поскольку центрального аппарата Военного министерства фактически не существовало⁴⁴.

Можно указать ещё одну, довольно любопытную функцию Комитета обороны. Бернетт Боллотен, ссылаясь на письмо от Гарсии Прадаса, редактора НКТ в Мадриде, говорит, что после милитаризации местной милиции «офицеры в анархо-синдикалистских частях на Центральном фронте передали бóльшую часть своего жалованья Комитету обороны Мадрида НКТ, который потратил эти деньги на развитие сельскохозяйственных коллективов»⁴⁵.

Дуррути и Гарсия Оливер в Мадриде

Когда войска Франко подошли к Мадриду, политические и военные лидеры Каталонии, в особенности анархисты, почувствовали необходимость по мере возможностей оказать помощь столице. 4 ноября прошло совместное заседание Департамента обороны каталонского правительства и командующих колоннами Каталонии, где обсуждалась эта проблема⁴⁶.

7 ноября, когда уже началась битва за Мадрид, Хуан Гарсия Оливер, который находился в столице и только что был назначен министром юстиции, сделал личный телефонный звонок Эухенио Вальехо, лидеру НКТ на старом заводе «Испано-Суиса» в Барселоне, попросив о немедленной отправке 20 000 ручных гранат. После разговора были сделаны соответствующие приготовления, и несколько дней спустя, когда Гарсия Оливер вернулся в Мадрид, подполковник Рохо сообщил ему, что оружие прибыло⁴⁷.

Этот звонок Гарсии Оливера стал результатом его разговора с подполковником Рохо и советским послом Марселем Розенбергом. По воспоминаниям Гарсии Оливера, они советовались с ним – поскольку после подавления мятежа 19 июля в Барселоне он считался специалистом по захвату и защите больших городов – о том, как, по его мнению, силы Франко попытаются проникнуть в город. Гарсия Оливер в первую очередь указал, что канализационная система Мадрида, выход из которой находился в руках франкистов, будет удобным маршрутом вторжения. Он предложил поставить в ключевых узлах канализационной системы заслоны с пулемётами и ручными гранатами. Это было сделано, и подполковник Рохо позже сообщил ему, что, когда враг, как и предсказывал Гарсия Оливер, пробирался по канализации, «ему устроили грандиозную бойню» и заставили его повернуть назад⁴⁸.

Гарсия Оливер также предложил подполковнику Рохо и послу освободить здания в начале главных улиц, тянувшихся от поля битвы к центру города, и разместить на их крышах и верхних этажах отряды, обеспеченные большим количеством ручных гранат и коктейлей Молотова, чтобы бросать их в наступающих. Рохо позднее сообщал, что эти меры были приняты, но, к счастью, войска Франко не добрались до мест, где располагались эти здания⁴⁹.

10 ноября Гарсия Оливер вернулся в Мадрид и рано утром находился в своём кабинете, когда, к его удивлению, туда вошёл Буэнавентура Дуррути. Он объявил, что приехал сюда, чтобы помочь спасти Мадрид. После короткого разговора о том, какой может быть роль Дуррути, они вдвоём отправились обсудить этот вопрос с премьером и военным министром Франсиско Ларго Кабальеро, который также только что вернулся в столицу. В итоге было решено, что спустя две недели, когда, как ожидалось, в город придут три новых «смешанных дивизии», Дуррути будет поручено командовать ими, в звании майора, которое тогда было самым высоким званием среди офицеров из милиции⁵⁰.

Однако эта договорённость не была выполнена, в основном из-за гражданских и военных руководителей Каталонии, в особенности анархистов. Вечером 11 ноября в Барселоне прошло новое заседание всех командиров каталонских колонн милиции и Департамента обороны. На нём было решено – особенно на этом настаивали Диего Абад де Сантильян и Федерика Монсень, – что колонна милиции, которой командовал Дуррути, немедленно должна быть снята с Арагонского фронта и перемещена к Мадриду⁵¹.

Утром 12 ноября Дуррути позвонил своим помощникам в Бухаралос, сказав им, какие из подразделений его колонны следует срочно отправить в Барселону для скорейшей переброски на Мадридский фронт. Сам Дуррути немедленно выехал в Валенсию, а 14 ноября после полудня он и Хуан Гарсия Оливер вернулись оттуда в Мадрид⁵².

Очевидно, в этот же день, ещё до отъезда Гарсии Оливера и Дуррути в Мадрид, на заседании вновь сформированного Высшего военного совета, куда входил Гарсия Оливер, было принято решение, которое могло иметь огромную важность в обороне Мадрида, по крайней мере для анархистов. Франсиско Ларго Кабальеро заставил совет обратить внимание на неподобающее, как он считал, поведение генерала Хосе Миахи, который «вёл себя не как глава органа с делегированными полномочиями, созданного, чтобы представлять правительство, а... демагогически внушал членам Совета обороны, что они сами являются правительством, не только Мадрида, но и всей Испании».

Ларго Кабальеро попросил назвать кандидатов на замену Миахе, и Гарсия Оливер предложил Буэнавентуру Дуррути. По словам Гарсии Оливера, Ларго Кабальеро ответил ему: «Я склонен принять кандидатуру Дуррути. Я лишь должен попросить держать это в величайшей тайне, так как мне требуется восемь дней, чтобы дать Дуррути время стать известным в Мадриде, и тогда я смогу поехать туда, переговорить с ним и передать ему эту должность». По словам Гарсии Оливера, никто, даже министр сельского хозяйства коммунист Висенте Урибе, не возражал против этого решения⁵³.

Этому предложению не суждено было осуществиться. В течение этих восьми дней Дуррути погиб, и Миаха продолжал командовать Мадридским фронтом большую часть войны. В любом случае, у Гарсии Оливера осталось хорошее впечатление о Миахе в отведённой ему роли: «Я понял мудрость Ларго Кабальеро в выборе Миахи на пост председателя Совета обороны Мадрида. Миаха был неисчерпаемым источником оптимизма. Возможно, он не так много знал о военных операциях, но ему удавалось поднимать упавшую мораль всех, с кем ему приходилось встречаться, и в этом он был непревзойдённым»⁵⁴.

Дуррути провёл день и ночь 14 ноября в Мадриде, без видимых успехов. Его милиционеры ещё не прибыли в город, а попытки принять командование над колонной, которую отправили каталонские коммунисты (о ней я скажу позднее) оказались безрезультатными. Хотя Дуррути утверждал, что получил приказ от Департамента обороны Каталонии, предоставлявший ему контроль над всеми каталонскими войсками на Мадридском фронте, у него на руках не оказалось подобного приказа, и колонна коммунистов отказалась поверить ему на слово⁵⁵.

Гарсия Оливер и Дуррути провели совещание с генералом Миахой и подполковником Рохо, и, по просьбе Дуррути, ему в помощь был назначен советский военный советник^{55а}. После этого они отправились на «фронт», к мосту Французов (Пуэнте-де-лос-Франсесес), где сражалось подразделение каталонских коммунистов. Дуррути, Гарсия Оливер и командир подразделения, капитан Лопес-Тьенда, безуспешно пытались вернуть в строй солдат, бежавших с передовой. Некоторое время они и сопровождавшие их люди лично участвовали в обороне моста. Однако во время затишья Гарсия Оливер подошёл к Дуррути и сказал ему: «Это не командный пункт, Дуррути. Это не твой пост». Очевидно, лидеры НКТ вскоре покинули это место⁵⁶.

Наконец, около девяти утра 15 ноября, 1 400 бойцов или около того из колонны Дуррути прибыли в Мадрид. Они выехали из Барселоны в товарных вагонах ночью 13 ноября, Дуррути и Гарсия Оливер встретили их у города Турия около полудня 14-го, после чего анархические лидеры отправились на полицейской машине в Мадрид. Оставшуюся часть пути бойцы проделали на грузовых и легковых автомобилях, поскольку железнодорожные пути пострадали от налётов авиации Франко⁵⁷.

После прибытия колонны Дуррути в Мадрид, вечером 15 ноября, состоялось заседание Комитета обороны НКТ, на котором среди прочих присутствовали Эдуардо Валь, Дуррути и Сиприано Мера. Дуррути объяснили, что он не может слить силы, которые он вызвал, с силами Меры, так как высшее командование назначило их на разные участки. В конце концов Дуррути согласился занять позицию в Университетском городке, которая была отведена ему. Несколько часов спустя колонна Дуррути впервые вступила в бой на Мадридском фронте⁵⁸.

Предполагаемое бегство колонны Дуррути во время боя

Многие историки Гражданской войны в Испании разделяют общепринятое мнение о том, что милиционеры колонны Дуррути не выдержали и бежали, когда их впервые ввели в бой на Мадридском фронте. Роберт Колодни утверждает, что это произошло 15 ноября⁵⁹.

Хью Томас описывает это предполагаемое событие следующим образом:

I

«Одновременно с прибытием XII Интернациональной бригады в Мадрид также явился Дуррути с колонной из 3 000 анархистов... Он потребовал выделить ему независимый участок на фронте, чтобы его люди могли показать свою доблесть. Миаха неосмотрительно согласился отдать анархистам Каса-де-Кампо... Дуррути получил приказ атаковать 15 ноября, при поддержке всей республиканской артиллерии и авиации. Однако в назначенный час пулемёты марокканцев так испугали анархистов, что они отказались идти в бой. Разъярённый Дуррути обещал новую атаку на следующий день»⁶⁰.

Изложение Хью Томаса представляется ошибочным по крайней мере в четырёх пунктах. Во-первых, он удваивает численность бойцов в колонне, которая последовала за Дуррути в Мадрид. Во-вторых, колонна Дуррути впервые вступила в бой не в Каса-де-Кампо, а в Университетском городке. В-третьих, и это самое главное, колонна Дуррути 15 ноября вообще не участвовала в сражениях, она начала сражаться лишь ранним утром 16-го. Наконец, свидетельства, по-видимому, указывают на то, что Хью Томас перепутал колонну анархистов с другим формированием из Каталонии, которое прибыло в Мадрид по меньшей мере за день до колонны Дуррути.

После первого совещания командиров милиции в каталонском Департаменте обороны 4 ноября, по вопросу об оказании помощи Мадридскому фронту, Объединённая социалистическая партия Каталонии (коммунисты) решила организовать свою собственную колонну, чтобы предотвратить политические последствия возможного прибытия колонны Дуррути «на спасение Мадрида». Согласно Франсиско Идальго, одному из офицеров этого формирования, вновь созданная колонна «Свобода» – Лопес-Тьенды состояла из членов ВСТ и ОСПК, набранных в Барселоне, некоторых бойцов из колонн ОСПК в Арагоне, прибывших в Барселону, и около 1 935 призывников, которые не смогли вернуться домой после официального роспуска старой армии. Командовали ею в основном кадровые офицеры, которые, чтобы обезопасить себя (из-за непопулярности регулярной армии после 19 июля), вступили в ВСТ.

Это формирование, насчитывавшее примерно 2 500 человек, по словам Идальго, не прошло совершенно никакого обучения. Оно было отправлено из Барселоны 9 ноября, получило какое-то оружие по пути в Мадрид и прибыло в столицу утром 13 ноября. После полудня колонна «Свобода» – Лопес-Тьенды заняла позиции на участке в Западном парке (Парке-дель-Оэсте).

Колонна не вступала в бой 14-го. Однако на следующий день её отправили к мосту Французов, чтобы помешать силам Франко перейти по нему реку Мансанарес. Необученная колонна, как говорит Франсиско Идальго, «пересекла Парке-дель-Оэсте способом, до смешного нелепым с военной точки зрения», и в результате начала нести потери, лишь выйдя на позицию⁶¹.

Конечно, именно колонну «Свобода» – Лопес-Тьенды, а не колонну Дуррути, имеет в виду подполковник Висенте Рохо, когда пишет, что «нападавшие сосредоточили максимальную

мощь на очень узком фронте, и кроме того, им посчастливилось вызвать панику в одном из наших импровизированных формирований, которое, прибыв с других фронтов и не пережив моральный подъём 7-го, ещё не прониклось духом мадридской борьбы. Оно отступило в беспорядке, заразив паникой другие подразделения, и враг смог отбросить их, проникнуть в Университетский городок и занять несколько зданий, сделав клинику своей передовой позицией»⁶². Я уже упоминал о попытке Дуррути и Гарсии Оливера остановить бегство этих милиционеров.

Однако официальная сталинистская история Гражданской войны повторяет версию о беспомощности колонны Дуррути под огнём. Для пущего эффекта она добавляет: «Колонну Дуррути пришлось снять с фронта, большей частью разоружить и отправить в Левант»⁶³. На самом деле остатки колонны Дуррути оставались на Мадридском фронте, получив подкрепления от НКТ, и после смерти Дуррути, а когда в апреле 1937 г. колонна наконец была отозвана, она отправилась на Арагонский фронт, а не в Левант, и влилась в ряды первоначальной колонны Дуррути, остававшейся в Арагоне. Она участвовала в сражениях в Арагоне и Каталонии и была одной из последних республиканских сил, ушедших во Францию после падения Каталонии.

Фактический первый бой колонны Дуррути

Абель Пас (Диего Камачо) описывает первые дни колонны Дуррути на Мадридском фронте. Его рассказ основывается на письменных воспоминаниях двух активных участников этих событий.

Колонна Дуррути защищала часть Университетского городка, заняв отведённую ей позицию к 2:00 16 ноября. Она вступила в бой вскоре после рассвета. К семи утра солдаты колонны отбили клиническую больницу, но через четыре часа, по приказу Главного штаба, они передали эту позицию подразделению коммунистического 5-го полка. После этого силы анархистов сосредоточились на возвращении зданий школы Каса-де-Веласкес и факультета философии и литературы в Университетском городке. Борьба продолжалась большую часть ночи на 17 ноября, и первые 24 часа с начала атаки колонна Дуррути провела в бою, почти не имея времени на отдых и не получая практически никакого питания.

Позже, днём 17-го, усилия колонны Дуррути сосредоточились на защите приюта Санта-Кристина, где борьба была «самой кровопролитной». Был момент, когда подразделение 5-го полка, оставленное в клинической больнице, обратилось в бегство, но на Пласа-де-ла-Монклоа бежавших остановил отряд под командованием Мигеля Йольди, одного из лидеров колонны Дуррути, который реорганизовал их и снова ввёл в бой рядом с милиционерами колонны Дуррути⁶⁴. Возможно, именно этот инцидент дал Роберту Колодни повод утверждать, что колонна Дуррути бежала 17 ноября⁶⁵.

Колонна Дуррути бесценно находилась на передовой в течение трёх дней, хотя по крайней мере некоторые из подразделений в этом районе были заменены свежими силами. Очевидно, незадолго до своей смерти Дуррути договорился с генералом Миахой и подполковником Рохо о смене милиционеров НКТ66. К тому времени потери в его колонне составляли более 50 процентов67.

Гибель Дуррути

Буэнавентура Дуррути получил огнестрельное ранение около 14:00 19 ноября 1936 г. Его доставили в госпиталь, оборудованный НКТ в отеле «Риц», где он умер в 4:00 20 ноября. Это всё, что мы можем с уверенностью сказать о смерти предводителя колонны Дуррути.

Не успело его тело остыть, как начались споры о том, при каких обстоятельствах он был смертельно ранен. По официальной версии, он стал жертвой вражеского огня со стороны клинической больницы Университетского городка, которая была занята силами Франко. Однако среди анархистов нашлись те, кто был убеждён, что Дуррути был убит коммунистами, поскольку те боялись распространения легенды о нём как о «спасителе Мадрида»68.

С другой стороны, коммунисты распространяли версию о том, что Дуррути был близок к вступлению в их партию и за это сами анархисты застрелили его. В несколько изменённом виде это утверждение представлено у Луиса Фишера, который писал, что Дуррути «был убит выстрелом в спину, и ходило мнение, что его собственные люди расправились с ним, потому что он выступал за активное участие анархистов в войне и сотрудничество с Кабальеро...»69

Наконец, высказывалось предположение, что он случайно застрелил себя из винтовки, которую он нёс.

Абель Пас, который, вероятно, исследовал обстоятельства смерти Дуррути более тщательно, чем кто-либо ещё, не смог прийти ни к какому однозначному заключению: «Полемика, ведущаяся вокруг гибели Дуррути, будет продолжаться, поскольку теперь это – историческая загадка. К сожалению, загадки и вещи таинственные привлекают людей больше, чем глубокие размышления о событиях жизни...»70

Но, независимо от причин смерти Дуррути, его похороны в Барселоне были обставлены с почестями и сопровождались славословием в адрес павшего лидера анархистов. Британская парламентская делегация из шести человек оказалась в этот день в Барселоне. Они сообщали: «...По прибытии в этот город мы стали свидетелями грандиозной демонстрации, в которой участвовали примерно полмиллиона человек. Процессия военных, политических и промышленных организаций проходила по главным улицам города. Она шла в течение пяти часов, сопровождаемая сценами великого энтузиазма...»71

Брошюра о Дуррути, изданная НКТ-ФАИ после его смерти, отмечала, что похоронную процессию возглавляли президент Каталонии Луис Компанис, советский и мексиканский

“ «За ними следовал весь народ, всё население Барселоны. Все организации призывали своих членов принять участие в траурной процессии. Развевались знамёна всех антифашистских организаций, все милиционеры, остававшиеся в городе, следовали за первым милиционером Каталонии. Сотни тысяч шагали в этой процессии, и ещё сотни тысяч стояли на тротуарах и улицах, подняв кулаки в последнем салюте»⁷².

Колонна Дуррути в Мадриде после гибели Дуррути

Лидеры НКТ в Каталонии, узнав о смерти Дуррути, почти сразу же решили отправить Рикардо Санса, его соратника по группе «Мы», принять командование над остатками колонны в Мадриде. Новый командир прибыл в Мадрид утром 21 ноября.

Санс нашёл выживших милиционеров колонны Дуррути сильно деморализованными из-за смерти их лидера. Большинство из них хотели немедленно вернуться на Арагонский фронт. Однако, как пишет Рикардо Санс, «несмотря на эту обескураживающую ситуацию, благодаря поддержке министра Федерики Монсень и других хороших друзей, которые были в Мадриде и пообещали не покидать его, пока он не будет полностью спасён, лишь незначительное число бойцов вернулось в Арагон, а большинство осталось в Мадриде, решив защищать его прежде всего остального»⁷³.

Через несколько дней Департамент обороны Каталонии отправил подкрепление для колонны Дуррути. Санс комментирует: «Таким образом, колонна Дуррути в Мадриде была пополнена и получила возможность занять почётное место на фронте, что она и сделала незамедлительно, сменив одну из интернациональных колонн, занимавшую позиции от Каса-де-Кампо до окрестностей Араваки»⁷⁴.

Рикардо Санс, как и Дуррути до него, к началу Гражданской войны не имел никакого военного опыта. Он был руководителем профсоюза строительных рабочих НКТ в Барселоне и фактически единственным членом группы «Мы», остававшимся в Каталонии при диктатуре Примо де Риверы⁷⁵. Сразу после подавления мятежа 19 июля в Каталонии он вместе с тремя другими людьми вошёл в комитет, которому Центральный комитет милиции Каталонии поручил организацию подразделений, отправляемых на различные фронты⁷⁶. На момент смерти Дуррути он инспектировал береговую оборонительную систему Каталонии, когда ему внезапно сообщили о назначении его преемником Дуррути⁷⁷.

Хоакин Морланес Хаулин, кадровый армейский офицер, который был одним из главных помощников командующего в колонне Дуррути (позднее 26-я дивизия), говорил: «Санс –

стопроцентный антимилитарист – приспособился к нуждам момента и принял милитаризацию своей службы, он изучил методы войны и стал достойным солдатом и превосходным командиром соединения»⁷⁸.

Последний крупный вклад в битву за Мадрид колонна Дуррути внесла в декабре 1936 г. – январе 1937 г., когда силы Франко попытались захватить дворец Эль-Пардо и охватить Мадрид с севера и запада. Именно это сражение, по словам Морланеса Хаулина, превратило Рикардо Санса из руководителя милиции в военного.

Во время этого сражения, 6 января, меньше 200 бойцов из колонны Дуррути удерживали позицию у Касакемады, почти в эпицентре боевых действий. Части на их флангах бежали, бросив оружие и снаряжение. Морланес Хаулин, отвечавший за этот участок колонны, позвонил в штаб Сансу и попросил людей, чтобы усилить его подразделение и особенно чтобы подобрать брошенное оружие.

Вместо того чтобы прислать подкрепление, Рикардо Санс сам прибыл на позицию с горсткой бойцов и начал обстреливать врага из пулемётного гнезда. Морланес Хаулин стал настаивать на том, что это неподходящая роль для командующего колонной, что он должен организовывать следующую линию обороны позади той, на которой они находились, чтобы его (Морланеса) подразделение могло отступить туда в случае необходимости. Санс поначалу пришёл в ярость, но в конце концов согласился вернуться назад. Морланес Хаулин описывает результат: «Рикардо Санс, который до сих пор мыслил как “ополченец”, отправился в тыл, менее чем в километре от того места, и, вместе с Сиприано Мерой, подполковником Паласьосом (кадровым) и другими политическими и профсоюзными лидерами, по стечению обстоятельств превратившимися в военных, волшебным образом организовал основную линию обороны... о которую фашисты обломали бы свои рога, если бы они у них были»⁷⁹.

Так совпало, что это был, вероятно, последний раз, когда колонна Дуррути вела себя как милиционная группа, а не войсковая часть. Как объяснил Морланесу Хаулину Рикардо Санс, он не отправил запрошенное подкрепление потому, что, по его словам, «запасной батальон отказался идти. Они проводят собрание, чтобы решить, что они будут делать»⁸⁰.

Бойцы колонны Дуррути, к тому времени ставшей 26-й дивизией новой республиканской армии, оставались в районе Мадрида до апреля 1937 г. Мадридский фронт уже стабилизировался, и правительство Каталонии приказало солдатам, находившимся под началом Рикардо Санса, вернуться на Арагонский фронт, где они соединились со старой колонной Дуррути. Рикардо Санс стал командующим всей воссоединённой 26-й дивизии. Он получил звание подполковника, хотя занимаемая должность позволяла ему стать генерал-майором⁸¹.

Создание колонны Сиприано Меры

Вторым важным соединением анархистов, стоявшим на защите Мадрида, была колонна Сиприано Меры, которая позднее стала 14-й дивизией республиканской армии и оставалась

в Мадридском регионе в течение всей войны. Мера был молодым лидером профсоюза строительных рабочих НКТ в Мадриде и незадолго до начала войны возглавил забастовку, которая привела к конфликту между НКТ и ВСТ и закончилась арестом Меры. Он был выпущен из тюрьмы, когда начался военный мятеж⁸².

Сразу же после освобождения Сиприано Мера организовал первую колонну милиционеров, состоявшую, по-видимому, в основном из строительных рабочих Мадрида. С «восемью сотнями человек и пулемётом», Мера отбил у мятежников город Куэнка⁸³. Его колонне также приписывалось освобождение Гвадалахары, которую вначале захватили мятежники⁸⁴. После начала битвы за Мадрид Сиприано Мера был, по словам Гарсии Оливера, «признан в оперативном кабинете Военного министерства главным военачальником анархо-синдикалистов» в Мадридском регионе⁸⁵.

Рамон Сендер, писавший в то время, когда он ещё был коммунистом, отдавал должное роли Меры в обороне Мадрида: «Спустя несколько недель после начала наступления на Мадрид мы увидели, что рядом с героическими предводителями коммунистов, наподобие Листера, “Кампесино”, Модесто или Галана, стоит такой герой-анархист, наделённый исключительными лидерскими способностями, как Сиприано Мера, который, во главе своих легионов каменщиков, безупречно дисциплинированных, сражался так же, как Дуррути сражался до него и как сражался бы молодой профессиональный солдат»⁸⁶.

Теранконский инцидент 6–7 ноября

Один курьёзный инцидент, в который были вовлечены отряды милиции, находившиеся под общим руководством Меры, произошёл вечером 6 ноября в Теранконе, в 40 километрах от Мадрида, на дороге в Валенсию. Эти милиционеры, которыми командовал Хосе Вильянуэва, ранее участвовали в неудачной для республиканцев попытке отстоять Сигуэнсу. Теперь, вечером 6 ноября, они выполняли отданный Эдуардо Валем приказ: поворачивать назад всех пытающихся сбежать из Мадрида в Валенсию.

Действуя в соответствии с этим приказом, милиционеры Вильянуэвы задержали группу автомобилей, которые перевозили республиканских министров и других лиц, включая мадридского мэра Педро Рико, в новую резиденцию правительства в Валенсии. Среди тех, кого милиционеры заставили выйти из автомобилей, были министры от Коммунистической партии Хесус Эрнандес и Висенте Урибе, министры от НКТ Хуан Лопес и Хуан Пейро, а также социалист Хулио Альварес дель Вайо, министр иностранных дел. Здесь также находились генерал Хосе Асенсио, заместитель военного министра, и генерал Себастьян Посас, вновь назначенный командующий армией Центра.

Пока продолжалось разбирательство, на сцене появился Сиприано Мера. Узнав, что произошло, он позвонил Эдуардо Валь, сообщив ему о данном инциденте. Валь, немедленно выехав из Мадрида в Теранкон, прибыл туда в 2:00 7 ноября. Посоветовавшись, Валь и Мера решили позволить министрам следовать дальше в Валенсию. Однако мэр Рико был вынужден вернуться в Мадрид, где он стал искать убежища в посольстве.

В ходе этого инцидента выяснилась (и была благополучно улажена) одна любопытная деталь: когда генерал Миаха через Валя узнал, что генерал Посас задержан в Теранконе, он решил вскрыть запечатанный приказ от Ларго Кабальеро, который ему не следовало видеть до 6:00, и обнаружил, что вместо его приказа ему дали приказ для генерала Посаса. Только связавшись с Посасом в Теранконе, Миаха смог узнать содержание своего приказа⁸⁷.

Хью Томас ошибочно приписывает этот инцидент в Теранконе Железной колонне из Валенсии, бойцов которой он называет «кагулярами испанской революции»⁸⁸. Хулио Альварес дель Вайо допускает ту же самую ошибку, описывая случившееся в несколько театральной манере: «Это была шайка отверженных, именовавших себя “анархистами”, и они были весьма храбрыми, когда разбойничали на сельских дорогах, но не выказывали такого же героизма на поле боя. Их насчитывалось несколько сотен, и мы, несколько мужчин, вооружённых револьверами, держали их на расстоянии. Через час переговоров с их вожаками, испробовав все угрозы и аргументы, мы вынудили их позволить нам продолжать нашу поездку»⁸⁹. Ту же ошибку повторяет Роберт Колодни, связывающий события в Теранконе с Железной колонной⁹⁰.

Колонна Сиприано Меры в обороне Мадрида

Колонна Меры, а позднее 14-я дивизия, играла значительную роль на всех этапах битвы за Мадрид. Она пробыла на передовой практически весь первый этап битвы в ноябре. Эдуардо де Гусман отмечал, что следующими после остатков колонны Дуррути в этот период были «люди Меры и Паласьоса. Кроме них, была также “Свободная Испания”, которая после обороны Карабанчеля пришла на замену одному из батальонов интернациональных бригад»⁹¹.

Все эти формирования вскоре объединились под командованием Меры, за исключением колонны Дуррути, которая в конечном счёте вернулась в Арагон. Колонны покойного Дуррути и Меры сыграли важнейшую роль при обороне лоялистских позиций во время декабрьско-январских попыток сил Франко захватить Эль-Пардо и отрезать Мадрид⁹².

Имеется сравнительно мало информации относительно участия анархических войск в Харамской операции битвы за Мадрид. Маршал Р. Малиновский, участвовавший в ней как советский военный советник, отмечает, что анархическая 70-я бригада хорошо показала себя в сражении, но считает это заслугой, главным образом, советника бригады «товарища Петрова»⁹³.

Войска под командованием Меры внесли особенно важный вклад в так называемом сражении у Гвадалахары, последней фазе битвы за Мадрид. В Гвадалахарском сражении основу сил Франко составляли итальянские войска: по оценке подполковника Рохо, 60 из 75 тысяч солдат, участвовавших в нём со стороны Франко, были итальянцами⁹⁴.

Силы 14-й дивизии Меры вели бои на шоссе Бриуэганbsp;– Ториха, в помощь им была придана XII Интернациональная бригада, включавшая в себя знаменитый Гарибальдийский батальон, состоявший из итальянских антифашистов⁹⁵. Позиции 14-й дивизии образовывали правый фланг республиканских сил в Гвадалахарском сражении.

Подполковник Рохо описывает роль соединения Меры в контрнаступлении республиканцев, закончившемся полным поражением легионов Муссолини: «На правом крыле наших сил, продвигавшихся к Бриуэге, 14-я дивизия смелым манёвром отрезала бóльшую часть дивизии Коппи, хотя на высотах отдельные группы продолжали сопротивляться; те, кто мог избежать окружения, бежали в беспорядке, оставив свою артиллерию и расположение главного штаба дивизии, преследуемые нашими солдатами. На этом крыле начался кризис итальянских фашистских сил»⁹⁶.

Гвадалахарское сражение является наиболее ярким примером того, как упускалась из виду или игнорировалась роль анархических сил, участвовавших в обороне Мадрида. Хотя Хью Томас упоминает, что «вдоль шоссе Бриуэганbsp;– Ториха расположился анархист Сиприано Мера со своей дивизией», в дальнейшем он отводит главную роль в победе республиканцев Гарибальдийской бригаде и советским танкам⁹⁷. Франц Боркенау, со своей стороны, излагая ход сражения, даже не упоминает о присутствии Меры и анархических войск, приписывая эту победу двум интернациональным бригадам, одной баскской и двум подразделениям коммунистического 5-го полка⁹⁸. Кастро Дельгадо также подчёркивает в первую очередь вклад Листера, Эль Кампесино и интернациональных бригад⁹⁹.

После завершения битвы за Мадрид дивизия Сиприано Меры оставалась на Мадридском фронте до конца войны. Даже Хью Томас, не склонный расточать похвалы войскам анархистов, называет Меру «самым выдающимся анархистским генералом, которого произвела война»¹⁰⁰, и «лучшим командиром, которого дала за время войны НКТ»¹⁰¹. На момент окончания конфликта Сиприано Мера командовал IV армейским корпусом¹⁰². Он и его войска сыграли ключевую роль в перевороте, который отстранил от власти правительство Хуана Негрина незадолго до окончания войны, – эту роль мы рассмотрим в своё время.

Роль рабочих-строителей НКТ

В недели, предшествовавшие осаде Мадрида, республиканцы не слишком старались укрепить столицу и её окрестности. Этот вопрос даже был вынесен на рассмотрение премьер-министра Ларго Кабальеро, который нашёл причины не проводить подобных работ¹⁰³.

Однако, когда силы Франко вошли в предместья Мадрида, его защитники, наконец, начали усиленно возводить укрепления, рыть траншеи и делать другие приготовления. Многие тысячи членов НКТ, которые не сражались в милиции, участвовали в строительстве. Хотя Хесус Эрнандес утверждает, что эта инициатива исходила главным образом от коммунистов, истина, похоже, заключается в другом¹⁰⁴.

Когда армии Франко приблизились к столице, она не имела практически никаких сооружений для обороны, кроме зданий в самом городе и Университетском городке. Но в то же время строительные рабочие Мадрида практически остались без работы, поскольку здесь не велось никакого строительства, особенно когда силы Франко начали бомбить город. Хотя многие из них, под руководством Сиприано Меры, вступили в первые колонны милиции, в городе оставались ещё тысячи рабочих-строителей, и они были мобилизованы НКТ.

Как объясняет Эдуардо де Гусман, «была лишь одна забота, одно стремление, одна обязанность: возвести укрепления. И люди бросились возводить укрепления. У них не было инженеров, им не хватало материалов, иногда не было даже кирок и лопат. Но момент требовал, чтобы они преодолели все препятствия. И они сделали это. Позднее, когда угроза ослабла, появились инженеры, администраторы, техники, которые объясняли, что траншеи и парапеты были сделаны по тому или иному плану... Правда в том, что строительные рабочие были единственными, кто оставались на своих постах в те критические часы».

Итак, «траншеи были вырыты, подземные укрытия построены, колючая проволока натянута». Строители, как и милиционеры, несли большие потери. Когда кризис миновал, НКТ объявила, что 5 000 членов её Объединённого союза строительных рабочих погибли в ходе возведения укреплений¹⁰⁵.

Анархисты в Совете обороне Мадрида

Гражданским аналогом военного Главного штаба, организованным после отъезда республиканского правительства из столицы, был Совет обороны Мадрида (Junta de Defensa de Madrid). Генерал Хосе Миаха председательствовал в обоих органах. Согласно инструкциям, которые оставил Миахе премьер-министр Франсиско Ларго Кабальеро, эта хунта «наделялась делегированными полномочиями правительства для координации всех средств, необходимых для обороны Мадрида...»¹⁰⁶

В Совете обороны были представлены НКТ и «Либертарная молодёжь». В другом месте я рассмотрю некоторые политические проблемы, с которыми столкнулись анархисты при работе с этой хунтой (глава 28), и их роль в организации военной промышленности города и управлении ею (глава 18).

Заключение

В заключение справедливо будет сказать, что никто не «спасал» Мадрид. Он был спасён от нашествия сил Франко между ноябрём 1936 г. и мартом 1937 г. совместными усилиями жителей Мадрида и милиционеров из разных частей Испании, тех, кто находился там, когда битва началась, и тех, кто прибыл туда, когда шли сражения, с немаловажной помощью иностранных солдат из интернациональных бригад, и все они использовали советское оружие, которое впервые нашло себе применение в битве за Мадрид.

Отразить первый натиск сил Франко на испанскую столицу очевидным образом помогло изменение в психологии жителей города и ополченцев, пытавшихся его защитить, которое произошло в первые часы после того, как правительство Республики оставило город. Вместо того чтобы посеять панику, это действие правительства показало населению города и милиции, что они должны будут защищать город самостоятельно, и породило в них убеждение, что они смогут это сделать. Впоследствии, когда свежие силы были брошены в бой и когда защитники города получили советское и другое оружие, это убеждение получило основание и укрепилось.

Линии обороны на западных и южных рубежах Мадрида в основном стабилизировались в первой половине ноября 1936 г. Последующие атаки сил Франко на северо-западе, в районе реки Харама к юго-западу от столицы и в направлении Гвадалахары к северо-востоку также были частью битвы за Мадрид. Однако Гэбриел Джексон прав, когда говорит, что в зоне первого нападения мятежников на столицу «с конца ноября 1936 г. до конца Гражданской войны линия фронта ни на одном участке не изменялась больше чем на сто метров»¹⁰⁷.

В этом широком контексте обороны Мадрида анархисты занимали своё место, и их присутствие имело определённое значение. Утверждение некоторых анархистов о том, что прибытие колонны Дуррути спасло Мадрид, не более верно, чем требование коммунистов и сочувствующих им признать эту роль за интернациональными бригадами. Однако нет сомнений в том, что анархисты, как из колонны Дуррути (позднее 26-я дивизия), так и из колонны Меры (позднее 14-я дивизия), долго и храбро сражались и что в некоторые моменты битвы за Мадрид их участие оказывалось решающим для успеха оборонявшихся. В то же время работа мадридских сэнэтистов, занимавшихся оборудованием траншей и других военных сооружений и организацией скромной оборонной промышленности города в самый тяжёлый период битвы, также внесла значительный вклад в победу республиканских сил.

Но если утверждение, что анархисты не спасали Мадрид, можно считать правильным, то также верно и то, что их участие в защите города, как в военном, так и в других аспектах, в целом не получило заслуженного признания ни тогда, ни в последующих исторических трудах.

Версия #1

Зверобой создал 7 мая 2025 21:44:51

Зверобой обновил 7 мая 2025 21:55:28